

С.В. Потрашков

Харьков, Украина

**УКРАИНИЗАЦИЯ 34 АРМЕЙСКОГО КОРПУСА В 1917 Г.:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, русская армия, Февральская революция 1917 г., 34 армейский корпус, украинизация.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена украинизации 34 армейского корпуса русской армии в 1917 г. Опираясь на архивные документы и мемуары, автор доказывает что, вопреки утверждениям украинских историков, попытка украинизировать крупное войсковое соединение была изначально обречена на неудачу.

S. Potrashkov

Kharkov, Ukraine

**UKRAINIZATION OF 34 ARMY CORPS IN 1917:
HISTORIOGRAPHICAL MYTH AND HISTORICAL FACTS**

KEY WORDS: The First world war, the Russian army, the February 1917 Revolution, 34 Army Corps, ukrainization.

ABSTRACT. The article is devoted to the ukrainianization of 34 Army Corps of the Russian army in 1917. Relying upon archival documents and memoirs, the author proves that, contrary to Ukrainian historians, attempt to ukrainize a large army formation was originally doomed to failure from the beginning.

Февральская революция 1917 г. внесла в жизнь российской армии, впрочем как и всей страны, новшества, о которых прежде никто даже не задумывался. К их числу относятся массовое создание в некогда монолитной армии многочисленных национальных частей. В Российской императорской армии в разное время существовали национальные подразделения из сербов, греков, представителей кавказских народов, но все они носили иррегулярный характер и являлись временными. С началом мировой войны были сформированы Чешская дружина, Сербская дивизия, латышские и армянские батальоны.

Эти формирования носили добровольческий характер и не были многочисленными.

Ситуация изменилась после Февральской революции, когда в многонациональной России активизировались организации, ставившие целью создание воинских частей по этническому признаку, как будущей опоры в борьбе за суверенитет. Заигрывая с национальными силами, а также в условиях, когда революционная армия все больше теряла боеспособность, Временное правительство дало согласие на количественное и численное увеличение национальных частей. Так, чехословаки развернулись в корпус, латышские и армянские батальоны превратились в полки, бригады и дивизии. Началось формирование польских корпусов и т.д. По меткому замечанию российского историка О.Р. Айрапетова: «Фактически создание национальных частей было попыткой противопоставить национально и социально деструктивные силы друг другу» (1.С. 248).

Украинцы, большая часть которых проживала в Российской империи, а меньшая – в Австро-Венгрии, в годы первой мировой войны оказались друг против друга по обе стороны фронта. По данным канадского историка О. Субтельного в русской армии насчитывалось 3, 5 млн. солдат-украинцев, в австрийской их было 250 тыс. (2.С. 419). К концу войны императорско-королевская армия имела 24 пехотных полка с количеством украинцев от 17 до 79 %, 8 стрелковых – от 47 до 73 %, 2 гонведных – до 10 %, 5 полевых стрелковых батальонов – от 47 до 70 %, 15 штурмовых батальонов – 14 – 53 %, 9 кавалерийских полков – 26-80 %, 20 артиллерийских полков и дивизионов – 20-69 %, 5 саперных и обозных частей – 30 – 58 % (3.С. 14 – 16). Наибольшую известность получил легион Украинских Сичевых Стрельцов, созданный по инициативе «Головной Украинской рады» – объединения галицийских политических партий. Дав, из политических соображений, позволение на образование воинской части из украинских добровольцев, австрийские власти, тем не менее, всячески ограничивали масштабы этой инициативы и пресекали любые попытки подчеркнуть национальный характер легиона. Так, из 28 тыс. добровольцев, было отобрано всего 2500 чел., которые принесли присягу на верность Австрии и образовали Украинский легион (4.С. 36 – 37). Почти необученные, скверно обмундированные и вооруженные устаревшими однозарядными винтовками Верндля, украинские добровольцы уже в сентябре 1914 г. были брошены на фронт. До конца войны Сичевые Стрельцы прошли большой боевой путь ознамено-

ванный как победами, так и поражениями. Весной 1916 г. легион УСС был реформирован в полк двухбатальонного состава. Дважды – в сентябре 1916 г. и в июле 1917 – легион почти полностью уничтожался русскими войсками, но благодаря притоку пополнений возродился снова.

В русской армии отдельных украинских формирований не было. Их создание началось только после февральской революции. Национальное движение, охватившее Украину в 1917 г., отозвалось и в многочисленных солдатах-украинцах. Создавая собственные комитеты и клубы, устраивая митинги и манифестации, они требовали объединения в отдельные украинские части и возвращения в Украину. Так возникла идея «украинизации» отдельных частей и соединений русской армии. Она нашла поддержку в решениях трех Украинских военных съездов в мае-ноябре 1917 г. (1.С. 428).

Нельзя не согласиться с мнением А.И. Деникина, который писал: «Единственные мотивы национализации заключались тогда в стремлении политических верхов возникавших новообразований создать реальную опору для своих домогательств и чувство самосохранения, побуждавшее военный элемент искать в новых и длительных формированиях временного или постоянного освобождения от боевых операций» (5.С. 383).

Временное правительство и военное командование вначале отнеслись отрицательно к идее разделения армии по признакам национальности. Но со временем, под давлением «снизу», а также надеясь, что создаваемые национальные части выйдут из-под влияния советов и комитетов, избегут увлечений демократизации и станут здоровым ядром для укрепления фронта и армии, отдельные военачальники пошли на уступки. Первый украинский полк имени Б. Хмельницкого возник в мае 1917 г. в Киеве с согласия командующего Юго-Западным фронтом А.А. Брусилова. В июне новый командующий фронтом генерал А.Е. Гутор предложил П.П. Скоропадскому украинизировать его 34-й армейский корпус. Идею поддержал и сменивший Гутора Л.Г. Корнилов. Так возник I Украинский корпус (6. С.57 – 64).

Украинские историки рассматривают украинизацию частей и соединений русской армии, в том числе и 34 корпуса, как первый шаг на пути создания собственно украинских вооруженных сил и важный элемент утверждения государственности. Поэтому оценивают этот процесс излишне позитивно, как правило игнорируя весь комплекс

сопутствовавших ему явлений, что не дает объективной картины происходившего (7, 8, 9).

Вопреки утверждениям современных украинских историков, создание корпуса шло непросто. Число солдат-украинцев в дивизиях не превышало $\frac{1}{4}$ и для полной украинизации требовалась значительная перемена личного состава (10. Л. 21). Сам Скоропадский, давая согласие на руководство украинизацией корпуса, выражал опасение как бы ему не досталась в качестве пополнения «всякая шваль (дезертиры и т. п.), которые, прикрываясь всякими вывесками, думают лишь о том, как бы им не попасть под огонь противника – немца» (10.Л. 21). Его опасения во многом оправдались. «Во-первых, через некоторое время явились пополнения совершенно другого состава, все больше политиканы на социалистической подкладке. Затем недостаток украинских офицеров сразу дал себя почувствовать. Мне все присылали с пополнениями одних лишь прапорщиков, очень остро национально настроенных, но не имеющих никакого понятия о военных делах. В частях сразу же пошла рознь между новыми украинскими офицерами и старыми, главным образом, великорусским элементом» (6. С. 71).

Оценку своего командира подтверждает Василий Кочубей – старший адъютант штаба корпуса: «Многие очень дельные люди среди офицеров и старого кадрового состава, великороссы по происхождению, не захотели делаться «украинцами» и покинули нас. ... Из прибывающих на пополнение свободных должностей украинцев были, к сожалению, главным образом неудачники, и во всяком случае хороших офицеров, ... к нам не поступало. То же было и с нижними чинами. Русские выбывали массами, ссылаясь конечно на то, что они – не украинцы. Эти же последние поступали в корпус очень вяло, предпочитая под предлогом украинизации просто уехать домой. Таким образом корпус таял с недели на неделю» (11. С.6).

«Цель украинизации широкой солдатской массе была непонятна. – Констатировал уполномоченный армейского комитета при 34 корпусе. – Мне не известен ни один случай, когда бы кем-либо из украинцев выражалась радость или удовольствие по поводу назначенной украинизации их полков». Отмечая факты неповиновения и угроз со стороны солдат-украинцев в адрес русских офицеров, «узконационалистической агитации против всего великорусского... Временного правительства и демократических войсковых организаций», он предлагал в августе 1917 г. комитету «безотлагательно ходатайт-

воват о немедленном прекращении украинизации 34 а.к. могущей окончиться катастрофой» (10. Л.21 – 23).

К внутренним неурядицам прибавились проблемы со снабжением корпуса необходимым: «целые батальоны разгуливали в лохмотьях вместо штанов» (6. С.73). И противодействие со стороны Главного командующего Юго-Западным фронтом А.И. Деникина и его начальника штаба С.Л. Маркова – противников украинизации.

П. Скоропадский, признавая факты подрыва дисциплины и порядка в корпусе, тем не менее, выражал надежду, «что, если украинизация будет доведена до конца... то боеспособность 34 а.к. отнюдь не понизится, а наоборот получится вполне сплоченная дисциплинированная боевая единица» (10. Л. 46). Однако действительность опровергала оптимистичные прогнозы командира корпуса: сплоченной и дисциплинированной боевой части способной к решительным действиям из корпуса явно не получалось. «Главковерх приказал выяснить, почему подготовка корпуса может быть охарактеризована лишь как соответствующая к занятию корпусом окопов и почему четыре месяца стояния корпуса в резерве в районе учебного лагеря мирного времени не дали его комкору подготовить корпус более полно и прочно к боевой работе» – грозно вопрошал комкора штаб XI армии (10.Л. 99). Зато крайняя политизация корпуса была налицо. П. Скоропадский признавал, что «большинство офицеров и солдат всецело преданы Украинской Центральной Раде, а затем уже Временному правительству и Совету Рабочих и Солдатских Депутатов... Я не однократно получал ответы, что в случае столкновения между Советом Рабочих и Солдатских Депутатов и Центральной Радой, они всецело станут на сторону последней» (10.Л. 49).

После октября коего переворота и провозглашения III Универсала усилилось вмешательство в дела корпуса Центральной Рады и лично Секретаря по военным делам С. Петлюры. Рада рассматривала корпус как собственную военную силу и через своих эмиссаров убеждала солдат не идти на фронт, а двинуться на Киев. Дело доходило до того, что Петлюра через голову Скоропадского, отдавал приказы частям корпуса. Как вспоминал последний, «этот период командования корпусом был для меня сплошным кошмаром» (6. С. 89). Единственной боевой операцией корпуса в это время стало разоружение разложившихся частей II Гвардейского корпуса в окрестностях Киева. Конфликт Скоропадского с Петлюрой развивался, и он с конца ноября неоднократно ставил вопрос о своей отставке: «В виду целого ряда

мер предпринятых генеральным секретарем по военным делам, клонящихся к подорванию престижа высшего командования состава корпуса и приведших к распаду созданного I Украинского корпуса... Я решительно прошу освободить меня от командования корпусом» (10. Л. 136). Отставка последовала 29 декабря 1917 г. Корпус, превращенный Центральной Радой в полицейскую силу окончательно распался и в январе 1918 г. перестал существовать.

Корпус Скоропадского был не единственной украинизированной частью русской армии. С дозволения командования были украинизированы четыре корпуса – 48 полков с артиллерией и вспомогательными частями (8. С. 369).

Многие части украинизировались стихийно и самочинно, отделяясь от русских частей. Все эти части вскоре исчезли, разложившись, как и украинизированные корпуса и дивизии. «Все эти полки, – вспоминал украинский генерал В. Петров, – которые возникли революционно, а им нет ни имени, ни числа, были только случайным собранием людей которое разлагалось немедленно, коснувшись украинской территории их лозунгом было – «домой» (8. С.375). Краткую и бесславную историю украинских частей в русской армии можно подытожить словами А.И. Деникина: «Надежды оптимистов, с одной стороны, и страхи левых кругов, с другой, что национализация создаст прочные части (по терминологии слева –контрреволюционные) быстро рассеялась. Новые украинские войска носили в себе все те же элементы разложения, что и кадровые» (5. С. 386).

Литература:

1. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917): 1917 год. Распад. М. 2015.
2. Субтельний О. Історія України. Вид.3. Київ.1993.
3. Шаньковський Л. Де були українські полки австрійської армії при кінці світової війни // Літопис Червоної Калини. Ч. 6 – 7. 1939.
4. Монолатій І. Українські легіонери: формування та бойовий шлях Українських Січових Стрільців, 1914 – 1918 рр. Київ. 2008.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. Репр. изд. М. 1991.
6. Скоропадський Павло. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918 рр. Київ, Філадельфія. 1995.
7. Кравцевич В., Улянич В. Україна: військо 1914 – 1920 // Народна Армія. 15 червня 1992.

8. Крип'якевич І., Гнатевич Б., Стефанів З. та ін. Історія українського війська (від княжих часів до 20-х років ХХ ст.). 4-те вид. Львів. 1992.
9. Тинченко Я. Новітні Запорожці. Війська Центральної Ради, березень 1917 – квітень 1918. Київ. 2010.
10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2986.
11. Кочубей В. Генерал Павел Петрович Скоропадский. Из личных воспоминаний // Военная быль. Париж. 1969. № 96.

УДК 947

ББК 45121

ГСНТИ 94(47).084.9 Код ВАК 07.00.02

В.М. Пряхин

Екатеринбург

**ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА ПО ПОВОДУ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мировая эволюция, историческая память, моделирование исторических процессов, исторический миф, политический миф
АННОТАЦИЯ. В статье речь идет о месте Великой Русской революции в образовательном процессе средней и высшей школы. Подчеркивается актуальность соответствующего содержания такого образования и необходимость системного подхода к изучению истории. Рассматриваются условия, исключающие мифологизацию исторических событий.

V.M. Pryakhin

Yekaterinburg

**GREAT RUSSIAN REVOLUTION IN MODERN
EDUCATION: THOUGHTS OF THE HISTORIAN
IN CONNECTION WITH**

KEY WORDS: world evolution, historical memory, modeling of historical processes, historical myth, political myth.

ABSTRACT. The article examines a place of the Great Russian revolution in the educational process of secondary and higher school. The author emphasizes the relevance of the corresponding content of such education and the need for systematic approach to the study of history. The article considers the conditions that exclude the demythologization of historical events.